

Критика и коммуникация: эволюция нормативных оснований Франкфуртской школы от Т. Адорно до Ю. Хабермаса

Илья Олегович Девятко

Студент 3-ого курса, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет
Ilia9tko@gmail.com

Аннотация: В статье прослеживается эволюция нормативных оснований критической теории Франкфуртской школы от негативной диалектики Т. Адорно до коммуникативной теории Ю. Хабермаса и далее к философии признания А. Хоннета. Исходная апория ранней критической теории заключается в том, что, избегая позитивных нормативных утверждений, она вынуждена опираться на дорефлексивное страдание и эстетический опыт, которые не обладают универсальной обязывающей силой. Ю. Хабермас совершает коммуникативный поворот, перенося источник нормативности в структуры языка и дискурсивную процедуру, однако при этом возникает риск редукции телесно-аффективного измерения. В работе проводится сопоставление двух регистров нормативности – страдания и аргументации, эстетического убежища и дискурсивной процедуры. Показывается, что их столкновение образует неразрешимое, но продуктивное напряжение, которое не снимается, а заостряется в позднейшей критической теории, в частности у А. Хоннета. Делается вывод, что эволюция нормативных оснований представляет собой перманентную самокоррекцию, удерживающую открытым вопрос о совместимости чувствительности к непроговариваемому с требованием рациональной универсализации.

Ключевые слова: Франкфуртская школа, критическая теория, негативная диалектика, коммуникативная теория, нормативность, страдание, аргументация, эстетический опыт, дискурсивная процедура, идеальная речевая ситуация, признание, Т. Адорно, Ю. Хабермас, А. Хоннет, мимесис

Critique and Communication: Evolution of the Normative Foundations of the Frankfurt School From T. Adorno to J. Habermas

Ilia O. Deviatko

3rd-year undergraduate student, Institute of Philosophy and Social and Political Sciences, Southern Federal University
Ilia9tko@gmail.com

Abstract: The article traces the evolution of the normative foundations of Frankfurt School critical theory from T. Adorno's negative dialectics to J. Habermas's communicative theory and further to A. Honneth's philosophy of recognition. The initial aporia of early critical theory consists in the fact that, while avoiding positive normative claims, it is forced to rely on pre-reflective suffering and aesthetic experience, which lack universal binding force. Habermas carries out a communicative turn, transferring the source of normativity into the structures of language and discursive procedure, yet these risks reducing the bodily-affective dimension. The paper compares two registers of normativity – suffering and argumentation, aesthetic refuge, and discursive procedure. It is shown that their collision forms an irresolvable but productive tension, which is not eliminated but

sharpened in later critical theory, particularly in A. Honneth. It is concluded that the evolution of normative foundations represents a permanent self-correction, keeping open the question of how to reconcile sensitivity to the unutterable with the demand for rational universalization.

Keywords: Frankfurt School, critical theory, negative dialectics, communicative theory, normativity, suffering, argumentation, aesthetic experience, discursive procedure, ideal speech situation, recognition, T. Adorno, J. Habermas, A. Honneth, mimesis

© И.О. Девятко (Ростов-на-Дону). Piia9tko@gmail.com. Южный федеральный университет. Южный Полюс 15 (1) (2026) DOI: 10.18522/2415-8682-2026-15-15-24

Введение. В современной философской реальности все острее ощущается потребность в осознании того, как возможна рациональная критика общества после крушения классических метафизических обоснований морали, и эта потребность постепенно наталкивается на разрыв рецепции. Негативную диалектику Т. Адорно и коммуникативную теорию Ю. Хабермаса чаще изучают изолированно, упуская внутреннюю «драму» их полемического перехода.

Между тем именно эволюция от апорий инструментального разума, замкнувшего мысль в жесте бессильного отрицания, к лингвистически обоснованной нормативности позволяет найти путь к преодолению тупика, в котором критика теряет право на универсальное суждение, но не желает расставаться с эмансипаторным импульсом. Проследить эту эволюцию не значит только восстановить утраченное звено в истории школы. Такой подход позволяет ответить на вопрос, как совместить чувствительность к живому страданию и неартикулированному с требованием общезначимых моральных норм – вопрос, от которого сегодня напрямую зависит способность публичной философии быть практически действенной, не впадая ни в догматизм, ни в эстетическую эзотерику.

Исходная критическая теория Т. Адорно, диагностируя разум как прежде всего инструмент господства [1, с. 20], сознательно удерживает критику в модусе негативности, избегая позитивных нормативных утверждений. Однако она неизбежно предполагает моральную значимость страдания¹. Единственной опорой для нее становятся само страдание и эстетический опыт; остается открытым вопрос, может ли один лишь миметический импульс придать критике обязательность за пределами субъективного возмущения [2, с. 29]. Ю. Хабермас, совершая коммуникативный переворот, переносит источник нормативности в саму структуру языка и процедуру дискурса [3, с. 453–460]. Возникает вопрос, утрачивает ли в таком переводе внеязыковое, телесно-аффективное измерение – то, что у Т. Адорно составляло нерв протеста против «поврежденной жизни». Отсюда вытекает теоретическая коллизия.

Исследование призвано проследить эволюцию нормативных оснований критической теории как единую «драму» самообоснования. Этот путь начинается с анализа апорий Т. Адорно, для которого разум, ставший инструментом господства, вынуждает критику постоянно удерживать напряжение между негативностью и моральным импульсом. Далее прослеживается переход к проекту Ю. Хабермаса, стремящегося реабилитировать разум в его коммуникативной форме и извлечь общезначимые нормы из самих универсальных структур человеческой речи. Подобная реконструкция выстраивает логику перехода, не утверждая, что исторически Ю. Хабермас действовал исключительно под давлением адорновских апорий; она

¹Важно различать позицию самого Т. Адорно, для которого негативная диалектика принципиально антифундаментальна, и реконструктивный взгляд из перспективы Ю. Хабермаса, усматривающий здесь нехватку обоснования. Данное исследование намеренно удерживает эту двойную оптику, не сводя адорновский жест к простому «недостатку», а показывая, как в его собственных терминах возникает необходимость в иной рациональности.

предлагает рациональную реконструкцию движения идей, в которой каждый следующий проект предстает как ответ на неразрешенные напряжения предыдущего².

Для описанной выше процедуры потребуется детально реконструировать, как в горизонте негативной диалектики и эстетической теории складывается апория, при которой критический импульс питается телесно-миметическим страданием, но не может быть легитимирован как универсальное должностное, а затем разобрать саму архитектуру коммуникативного поворота, чтобы показать, каким образом проект Ю. Хабермаса переопределяет эту апорию, предлагая процедурный путь легитимации норм и одновременно порождая новое напряжение. Значимую часть работы составляет прямое сопоставление двух регистров нормативности по осям «страдание – аргументация» и «эстетическое убежище – дискурсивная процедура», где находят свое столкновение чувствительность к непроговариваемому и требование рациональной универсализации. При этом страдание и эстетический опыт выступают скорее источниками, указывающими на недолжное, тогда как аргументация и дискурсивная процедура – механизмами интерсубъективной проверки; их столкновение драматично именно потому, что они принадлежат к разным логическим регистрам: генеалогическому и легитимационному³. Завершающий аналитический ход – обращение к хоннетовской философии признания – позволяет увидеть, как постхабермасовская критическая теория пытается удержать вместе адорновскую телесную уязвимость и хабермасовскую нормативную строгость, не снимая, но продуктивно заостряя изначальное напряжение.

В представленном исследовании каждое теоретическое понятие рассматривается как ответ на апории предшествующей позиции. Такой подход позволяет удерживать эволюцию нормативных оснований не в модусе простой хронологии, а именно в логике идейной «драмы», где каждый новый шаг продиктован необходимостью разрешить напряжение, оставленное предыдущим. Сравнительный анализ страдания и аргументации, эстетического и дискурсивного ведется через категориальное столкновение двух парадигм, а заключительный выход к А. Хоннету выполняет функцию проверки устойчивости выявленного напряжения.

Научная новизна предпринимаемого исследования состоит в том, чтобы впервые представить эволюцию нормативных оснований Франкфуртской школы как внутреннюю «драму» самообоснования критической теории, движущую силу которой образует неразрушимое, но продуктивное напряжение между двумя регистрами нормативности – телесно-аффективным импульсом страдания и рационально-дискурсивной процедурой. Вопреки сложившейся традиции изолированного изучения негативной диалектики Т. Адорно и коммуникативной теории Ю. Хабермаса, здесь предлагается сквозной анализ по обозначенным выше осям, демонстрирующий, что эти основания взаимно оспаривают и одновременно предполагают друг друга.

Концептуальное напряжение ранней критической теории вызвано тем, что Т. Адорно, избегая позитивного должностного, опирается на дорефлексивное страдание и эстетический опыт как на единственные ресурсы критики, которые не претендуют на универсальность. Проект Ю. Хабермаса дает один из возможных ответов на это напряжение, перенося источник нормативности в прагматическую структуру речи и выдвигая контрфактический регулятив идеальной речевой ситуации [4, с. 128–135]. При этом такой шаг может быть осмыслен как редукция страдания к потенциальному артикулируемому

² Речь идет о рациональной реконструкции в смысле Ю. Хабермаса, а не об историко-генетическом объяснении; логика перехода не исключает иных факторов, но выдвигает на первый план внутреннюю логику разрешения апорий.

³ Под «генеалогическим регистром» здесь понимается указание на происхождение критического импульса в опыте страдания; под «легитимационным» – обоснование общезначимости норм через интерсубъективные процедуры. Их столкновение рассматривается как анализ конфликта между дорефлексивным импульсом и рациональной процедурой, которые тем не менее претендуют на один и тот же статус – придать критике общезначимость.

притязанию и лишение эстетического опыта самостоятельной нормативной силы. В прямом сопоставлении адорновского мимесиса и хабермасовской процедуры обнаруживается конфликт, который не может быть окончательно устранен. Чувствительность к непроговариваемому, телесно-единичному, и требование рациональной универсализации одновременно нуждаются друг в друге и взаимно ограничивают собственные притязания, не допуская окончательного синтеза. Именно это напряжение, как показывает завершающий ход работы, философия признания А. Хоннета не снимает, а напротив, удерживает в самой глубине нормативной структуры, наделяя телесную уязвимость и моральные ранения статусом необходимого момента в борьбе за интерсубъективную значимость. Исходная амбивалентность не преодолевается, а сохраняется в качестве конститутивной черты позднейшей критической теории. Это придает ее развитию характер перманентной самокоррекции, а эволюция рассмотренных оснований предстает как углубление антиномии. Продуктивность такого положения состоит в том, что остается открытым вопрос о совместимости чувствительности к страданию с требованием рациональной универсализации.

Нормативный тупик первой критической теории: от М. Хоркхаймера до Т. Адорно. Исходный импульс критической теории, сформулированный М. Хоркхаймером еще в 1937 году, уже содержал в себе неразрешенное напряжение, которому предстояло определить судьбу всего предприятия. М. Хоркхаймер выдвинул идею эмансипаторного знания, которое не довольствуется описанием социальной действительности; оно схватывает ее в перспективе разумного преобразования, опираясь на имманентные тенденции общественного труда к более справедливому укладу [5, с. 213]. Но при этом само понятие «разумное общество» оставалось здесь без метафизических гарантий, заимствованных из классической философии. Это внутреннее напряжение не замедлило проявиться, как только критическая теория столкнулась с исторической катастрофой XX века и потребностью в более радикальной самодиагностике разума.

Поворотным пунктом стала «Диалектика Просвещения», написанная М. Хоркхаймером совместно с Т. Адорно. В ней тезис об эмансипационной миссии разума подвергается переопределению. Так, Просвещение, стремившееся освободить человека от мифа и страха, само оборачивается новой формой господства, разум редуцируется к инструментальной рациональности. Фигура Одиссея в одноименном экскурсе становится архетипической моделью буржуазной субъективности: «мореплаватель Одиссей обманывает божества природы точно так же, как некогда цивилизованный путешественник обманывал дикарей, предлагая им за слоновую кость разноцветные стеклянные бусы» [1, с. 67]. Тем самым оказывается, что разум понятый исключительно как инструмент самосохранения, рискует оказаться продолжением того же самого господства. Нормативный горизонт, в котором критика могла бы апеллировать к разуму против разума, заволакивается. Этот вывод находит свое философское заострение в «Негативной диалектике» Т. Адорно, которая сознательно отказывается от построения систематической нормативной теории в пользу последовательной антисистемы. Т. Адорно утверждает, что в традиционном философском понятии имплицитное насилие есть всякое подведение единичного под всеобщее, всякое отождествление неотождествленного есть акт подавления [6, с. 136–140]. Негативная диалектика разворачивается поэтому как метод констелляций, который, не претендуя на схватывание предмета в замкнутом определении, позволяет высветить его через сближение понятий вокруг него, удерживая момент нетождественного. Приоритет объекта означает, что истина не может быть присвоена субъектом в позитивном ключе; она мерцает в зазоре между объектом и его понятийным насилием, требуя не утверждения, а скорее свидетельства. Так, любая позитивная формулировка того, чем должно быть общество, становится подозрительной, ибо рискует воспроизвести структуру принуждения, которую она призвана упразднить.

Сам этот запрет на позитивный образ порождает нормативную апорию. Если разум поражен инструментальностью и не может служить источником критерия справедливости, откуда критическая теория черпает императив протеста? Т. Адорно находит единственно

честный ответ в обращении к дорефлексивному импульсу. Телесное страдание, прежде всего то, которое после Освенцима приобретает масштаб абсолютного морального требования, есть то, что «не должно быть», – но это знание не переводится в логически универализуемое долженствование [6, с. 326]. Мимесис же, противопоставляемый инструментальному разуму, понимается как непонятное уподобление объекту без его подчинения, как способность воспринимать единичное в его неразстворимости. В эстетическом опыте и в искусстве, которое Т. Адорно мыслит как убежище этой миметической способности, еще сохраняется неповрежденная связь между субъектом и объектом, обещающая примирение, где единичное не поглощается всеобщим [2, с. 83]. Искусство становится едва ли не единственной сферой, в которой истина может быть явлена, не превращаясь в насилие.

Тем не менее этот ход не разрешает нормативного тупика, но, наоборот, лишь обозначает его предельную остроту. И страдание, и эстетический опыт укоренены в субъективной достоверности, в телесной аффективности и в произвольности миметической реакции, но они не обладают той формой всеобщности, которая позволила бы им выступить общеобязательным основанием социальной критики. Критическая теория оказывается в парадоксальной ситуации; она обладает острым и безошибочным ощущением недолжного, однако не в силах легитимировать это ощущение в качестве универсальной нормы, не покидая горизонта негативности. Именно эта ситуация образует тот апорийный предел, который унаследует и попытается преодолеть коммуникативный поворот Ю. Хабермаса.

Коммуникативный поворот Ю. Хабермаса: от тупика к обоснованию норм.

Хабермасовский проект вырастает из прямого и критического размежевания с наследием Т. Адорно, которое он непосредственно подверг анализу в «Философском дискурсе о модерне». В центре его аргументации лежит обнаружение перформативного противоречия, подрывающего, по его убеждению, саму возможность негативно-диалектической критики [7, с. 125]. Если разум редуцирован к инструментальному господству, то на каком основании сама критическая теория все еще претендует на истинность своих высказываний? Адорновский жест тотального отрицания, не оставляющий никакого привилегированного места для теоретика, рискует обесценить собственное критическое суждение, превратив его в произвольный жест, лишенный обязывающей силы. Ошибка Т. Адорно и М. Хоркхаймера видится Ю. Хабермасу в том, что они некритически отождествили разум как таковой с его специфически исторической формой. То есть субъект-центрированным инструментальным разумом, упустив тем самым иное, коммуникативное измерение рациональности, всегда уже присутствующее в практиках взаимопонимания. Выход из нормативного тупика требует поэтому непосредственно смены парадигмы, но никак не отказа от разума как такового. Необходимо пройти путь от философии сознания, в которой одинокий субъект противостоит объективированному миру, к философии языка, где рациональность укоренена в интерсубъективных структурах речи [7, с. 304–305].

Этот парадигмальный сдвиг получает свое обоснование в теоретической программе, призванной эксплицировать нормативные предпосылки, которые всякий говорящий неизбежно принимает, вступая в процесс коммуникации, ориентированный на достижение взаимопонимания. По мнению Ю. Хабермаса, любой речевой акт, понятый как предложение, обращенное к другому с ожиданием рационально мотивированного согласия, выдвигает одновременно три притязания на значимость: 1) притязание на истинность пропозиционального содержания; 2) притязание на нормативную правильность в рамках признаваемого социального порядка; 3) притязание на искренность или правдивость выражения субъективного переживания [7, с. 321]. Разумеется, эти притязания не являются эмпирически констатируемыми фактами; они встроены в саму прагматическую структуру речи. Даже отклоняя притязания, говорящий уже участвует в языковой игре, правила которой их предполагают. Тем самым нормативность не привносится в коммуникацию извне, от некоторого метафизического фундамента или морального чувства; она обнаруживается как неустрашимый внутренний момент языкового общения. Базовое обязательство, связывающее

участников дискурса, состоит в том, чтобы в случае оспаривания того или иного притязания быть готовым представить основания, способные убедить другого в его правомочности, т.е. перейти от наивного коммуникативного действия к аргументативному дискурсу. Из этого впоследствии вытекает двухуровневая модель общества. Вводится различие между Системой и жизненным миром, которое одновременно является и социально-теоретическим диагнозом, и способом сохранить критический импульс, не впадая в адорновский негативизм [7, с. 353–355].

Коммуникативное действие, координируемое через разделяемое понимание норм, ценностей и фоновых очевидностей, локализуется в жизненном мире. В таком символическом горизонте, который служит нетематизируемым ресурсом взаимопонимания и воспроизводится через культурное наследие, социальную интеграцию и социализацию. В современных обществах, однако, коммуникативная координация все более вытесняется системной интеграцией, управляемой безличными механизмами денег и власти, которые метафорически выражаясь, «колонируют» жизненный мир, подчиняя его логике функциональной рациональности. Но несмотря на то, что колонизация суть метафора, она выступает как аналитический инструмент, переопределяющий адорновскую тему отчуждения и поврежденной жизни в терминах, доступных эмпирической проверке. Деформация жизненного мира проявляется в таких общественных патологиях, как утрата смысла, аномия и кризисы легитимации, которые, в отличие от тотального пессимизма Т. Адорно, могут быть локализованы, диагностированы и политически оспорены. Критическая теория, вооруженная понятием коммуникативного разума, получает тем самым критерий различения между подлинной социальной интеграцией и системным искажением коммуникации.

Но какое нормативное ядро скрепляет хабермасовский проект? Таким ядром можно считать контрфактическую конструкцию идеальной речевой ситуации, которая не только определяет хабермасовскую логику, но и одновременно замещает адорновский запрет на позитивный образ. Это понятие обозначает условия симметричного распределения шансов инициировать дискурс, предлагать аргументы и подвергать сомнению притязания со стороны, свободные от внешнего принуждения и внутренней цензуры [7, с. 332]. Идеальная речевая ситуация не является утопическим состоянием, которое мыслится достижимым в исторической реальности; она функционирует как «всегда уже» предполагаемое допущение, неизбежно совершаемое всякий раз, когда говорящие всерьез вступают в аргументацию и рассчитывают на то, что согласие есть результат рациональной мотивации. В качестве такого контрфактического регулятива она дает масштаб для критики реальных дискурсов, позволяя выявлять и обличать систематические нарушения симметрии.

Коммуникативный поворот, с этой точки зрения, переводит критический заряд в план процедурной рациональности, превращая апорию в задачу, которую можно сформулировать так: каким образом институционализировать дискурсы так, чтобы они приближались к собственным идеализирующим предпосылкам, не позволяя системным императивам окончательно колонизировать жизненный мир.

Два основания нормы в столкновении: страдание, аргументация, эстетика. Сопоставление адорновского и хабермасовского проектов обнаруживает, что их расхождение коренится не в различной оценке значимости морального опыта и не в степени интеллектуального пессимизма, а в более заостренном вопросе: при каких условиях внутреннее переживание, прежде всего страдание, может обрести статус нормативного основания, обязательного для других? Т. Адорно исходит из опыта, в котором страдание Другого дано с непосредственностью, не требующей дискурсивного опосредования, но именно эта непосредственность ускользает от любой попытки перевода в общезначимое суждение. Ю. Хабермас, напротив, полагает, что подобный перевод возможен и даже необходим, поскольку лишь артикуляция внутреннего опыта в форме притязания на значимость, открытого для интересубъективной проверки, превращает его в нормативный факт. За этим расхождением стоит имплицитное столкновение двух интуиций относительного

статуса того, что Ж.-Ф. Лиотар позже назовет «распрей» [8, с. 9]⁴. Так, можно предположить, что реконструкцию коммуникации стоит осмыслять как асимметрию между производством публичной формы и присвоением этой форме смысла. Смысл, вкладываемый в публичное высказывание, и смысл, извлекаемый из него адресатом, никогда не совпадают; в особенности это верно для страдания, которое в самом акте артикуляции рискует подвергнуться такой переработке, что от его травматического, неартикулируемого ядра ничего не остается. Ю. Хабермас же, хотя и признает возможность систематического искажения коммуникации, строит свою нормативную программу на уверенности, что идеализирующие предпосылки речи способны преодолеть этот разрыв, подчинив даже самые «немые» импульсы логике притязаний на значимость.

Это столкновение приобретает особую остроту при обращении к центрообразующей для Т. Адорно категории – страданию как истоку критического импульса. Для Т. Адорно страдание есть то, что «не должно быть», и это знание имеет дорефлексивный, телесный характер, предшествующий любому обоснованию [6, с. 326]. Проблема, однако, не просто в том, что страдание трудно артикулировать; проблема в том, что в момент артикуляции оно неизбежно попадает под логику аргументативного обмена, где одна сторона может требовать от другой предъявить основания своей боли, перевести ее на язык, приемлемый для дискурсивной процедуры. Само это требование уже есть для Т. Адорно насилие; оно превращает страдание в предмет переговоров, в разменную монету дискурса, лишая его той абсолютной моральной очевидности, которая только и способна прервать дурную бесконечность инструментального разума. Ю. Хабермас, напротив, полагает, что именно через включение страдания в дискурс, через формулирование его как притязания на нормативную правильность, оно может быть услышано и приобрести обязывающую силу. Для него опасность не в дискурсивном опосредовании как таковом, а в систематическом затруднении доступа к дискурсу, в неравенстве возможностей заявить свое притязание. Таким образом, в основании спора – вопрос, который можно сформулировать в терминах непрозрачности сознаний и асимметрии интерпретации: является ли дискурс нейтральным медиумом, который лишь проясняет и универсализирует то, что уже дано в моральном опыте, или же он представляет собой активную форму, которая неизбежно трансформирует, а возможно и деформирует, этот опыт, навязывая ему чуждую логику? Т. Адорно склоняется к тому, что дискурсивная форма – это структурообразующая матрица, которая отбирает, фильтрует и перерабатывает смысл, и то, что не укладывается в ее сетку, рискует остаться неслышанным. Ю. Хабермас же, признавая опасность искажений, верит в возможность такой настройки дискурсивных институтов, которая минимизирует деформации и позволит страданию быть адекватно выраженным.

Этот конфликт между непосредственностью морального опыта и опосредующей формой аргументации находит свое наиболее тонкое и драматичное выражение в споре о нормативном статусе эстетического. Т. Адорно отводит искусству роль исключительного убежища миметической связи с объектом, в котором единичное не поглощается всеобщим, а истина предстает в непреднамеренной конstellации чувственных моментов [2, с. 82–83]. Эстетический опыт с этой точки зрения обладает собственной нормативной силой, которая не нуждается в санкции дискурса; более того, попытка перевести эту силу на язык морально-практических притязаний лишает ее именно того, что составляет ее уникальность, – сопротивления понятийной фиксации. Ю. Хабермас, разумеется, не игнорирует эстетическое измерение, но включает его в свою модель в качестве экспрессивного дискурса,

⁴ «В отличие от тяжбы, распря – это случай конфликта между (по меньшей мере) двумя сторонами, который не может быть разрешен по справедливости из-за отсутствия правила суждения, применимого к обеим аргументациям. Неправомерность одной стороны не подразумевает правомерности другой. Если же, тем не менее, применить правило суждения одной из сторон к другой, чтобы разрешить их распрю так, как если бы она была тяжбой, то одной из них будет нанесен ущерб (по крайней мере одной, а то и обеим, если ни одна из них не признает это правило)».

подчиняющегося притязанию на правдивость. Тем самым эстетический опыт лишается самостоятельного нормативного голоса; он становится лишь одним из источников, который должен пройти через процедуру аргументации, чтобы его притязания могли быть общезначимыми. Здесь, на наш взгляд, проявляется структурная асимметрия. Публичная форма (дискурсивная процедура) присваивает себе право определять, какие смыслы могут быть легитимированы в качестве нормативных, а какие остаются лишь субъективной экспрессией. Эстетический опыт по Т. Адорно – опыт формы, которая сама и есть смысл, не отделенный от своей явленности; у Ю. Хабермаса форма и смысл разводятся, и именно форма аргументации становится единственным легитимным медиумом для притязаний на общезначимость. Следствием этого разведения оказывается, что те регистры морального опыта, которые не могут или не хотят принять эту форму, вытесняются за пределы нормативно релевантного поля, – а именно это Т. Адорно и считает насилием понятийного мышления.

Наиболее отчетливо различие двух моделей проступает при сопоставлении их предельных нормативных горизонтов: понятия примирения у Т. Адорно и идеальной речевой ситуации у Ю. Хабермаса. Оба конструкта выполняют роль контрфактической нормы. Они задают масштаб, исходя из которого существующее положение дел может быть опознано как поврежденное и несправедливое. Но эти понятия принципиально различаются по своей сути. Адорновское примирение есть утопия, в которой прекращается принуждение тождества [6, с. 126]. Этот горизонт отрицает сам принцип подчинения формы чему-то внешнему; форма и содержание, субъект и объект совпадают в неразличимости, но это совпадение не может быть предвосхищено никакой позитивной процедурой. Идеальная речевая ситуация, напротив, является именно процедурой. Она описывает симметричные условия включения всех голосов в дискурс, но остается при этом формой, которая регулирует, как голоса должны быть предъявлены и обоснованы, чтобы быть услышанными. Т. Адорно, вероятно, возразил бы Ю. Хабермасу, что идеальная речевая ситуация не упраздняет принуждение формы, а лишь доводит его до совершенства. Даже в полностью симметричном дискурсе страдание и эстетический опыт все еще должны будут подчиняться логике аргументации, предстать в виде притязаний на значимость, что означает неустранимое отчуждение их от собственного, непроговариваемого ядра. Ю. Хабермас, со своей стороны, мог бы ответить, что отказ от процедуры, пусть даже контрфактической, оставляет критику без всякого критерия, способного отличить подлинное страдание от его симуляции, а эмансипаторный идеал – от реакционной утопии. В этой полемике, как мы попытались показать, сталкиваются два взгляда на природу самой нормативной формы: является ли она нейтральным посредником, лишь делающим явным то, что уже есть, или же она активно участвует в конституировании того, что может быть признано нормативно значимым, неизбежно вытесняя то, что не поддается формализации. Итогом этого столкновения становится не снятие напряжения, а его заострение. Практическая действенность дискурса требует принуждения к форме, которого не может принять эстетически-миметическая чуткость к единичному. Это противоречие воспроизводится вновь и вновь, задавая траекторию дальнейшего развития критической теории.

Вместо синтеза: признание, непроговариваемое и возвращение к истоку. Если бы напряжение между страданием и аргументацией, эстетическим опытом и дискурсивной процедурой было лишь теоретической коллизией двух несовместимых философских темпераментов, его можно было бы оставить как историко-философский курьез. Но обращение к постхабермасовской критической теории, и прежде всего к философии признания А. Хоннета, обнаруживает, что это напряжение продолжает определять саму логику развития традиции. А. Хоннет не примиряет Т. Адорно с Ю. Хабермасом и не выбирает одного из них; он переводит их скрытый спор в новую аналитическую плоскость, где адорновская телесная уязвимость и хабермасовская интерсубъективная структура оказываются двумя полюсами, между которыми только и может существовать нормативное основание критики. Первичная для А. Хоннета категория морального ранения схватывает именно то, что Т. Адорно

фиксировал как дорефлексивный импульс страдания, но одновременно помещает этот импульс в интересубъективный горизонт. Ранение всегда есть результат отношения, оно нанесено Другим или институциональным порядком и потому с самого начала заряжено нормативным притязанием на восстановление признания [9, с. 131–135]. В этом ходе страдание не редуцируется к уже артикулированному притязанию, как того опасался бы Т. Адорно, но и не остается безмолвным аффектом, лишенным публичного голоса, как того опасался Ю. Хабермас. Оно сохраняет свою телесную достоверность, одновременно требуя интересубъективной артикуляции. А. Хоннет, таким образом, не снимает исходное напряжение, а, скорее, институционализирует его в качестве самого механизма морального развития; борьба за признание есть не что иное, как перманентный процесс перевода непроговариваемой боли в публично оспариваемую форму.

Но в то же время именно здесь и возникает вопрос, который не позволяет счесть хоннетовскую коррекцию окончательным синтезом. Всегда ли моральное ранение может быть артикулировано в горизонте признания, или существуют такие формы страдания, которые сопротивляются любой позитивной нормативной форме по самой своей структуре? Этот вопрос возвращает нас, но уже на новом уровне, к адорновскому запрету на позитивный образ. Т. Адорно не случайно настаивал на негативности как единственно честной позиции; некоторые травмы, некоторые исторические катастрофы настолько разрушают саму возможность интересубъективного опыта, что требование артикулировать их в форме притязания на признание может оказаться новым насилием. Насилием, которое заставляет жертву предъявлять свою боль в терминах, уже подготовленных той самой нормативной системой, которая эту боль и произвела. В этом пункте хоннетовская модель, при всей ее чувствительности к страданию, сталкивается с тем же возражением, которое Т. Адорно выдвинул бы против Ю. Хабермаса: она предполагает, что горизонт признания универсален и в принципе способен вместить любой опыт, тогда как некоторые регистры страдания, возможно, именно тем и определяются, что они выпадают из этого горизонта, оставаясь его слепым пятном.

Другими словами, не все, что требует нормативного ответа, способно принять форму признания, и не все, что не может принять эту форму, лишено нормативного голоса. Это не отменяет хоннетовского проекта, но указывает на его внутренний предел. Теория признания, чтобы быть действительно критической должна сохранять в себе память о том, что горизонт артикуляции не нейтрален, что сама форма признания уже есть форма, структурирующая и отбирающая смыслы, и что за ее границами, возможно, остается нечто, чей голос не становится публичной формой, но продолжает требовать быть услышанным.

Так эволюция нормативных оснований Франкфуртской школы, пройдя долгий путь от негативной диалектики через коммуникативный переворот к философии признания, не завершается снятием исходной апории, а возвращается к ней с удвоенной остротой. Вопрос о том, как совместить чувствительность к непроговариваемому с требованием универсального обоснования, остается открытым, и именно в этой открытости критическая теория обретает свою подлинную идентичность как продолжающееся усилие удерживать неразрешимое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., СПб. 1997. 310 с.
2. Адорно Т. Эстетическая теория. М. 2001. 527 с.
3. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия: Том первый. Рациональность действия и социальная рационализация; Том второй. К критике функционалистского разума. М. 2022. 880 с.
4. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. 2001. 380 с.
5. Horkheimer M. Traditional and Critical Theory. In: Horkheimer M. Critical Theory: Selected Essays. New York: Herder and Herder, 1972. P. 188-243.
6. Адорно Т. Негативная диалектика. М. 2003. 373 с.
7. Honneth A. The Struggle for Recognition. The Moral Grammar of Social Conflicts. Cambridge: Polity Press, 1995. 215 p.
8. Lyotard J.-F. Le Differend. Paris: Les Editions de. Minuit, 1983. 216 p.
9. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М. 2003. 416 с.

REFERENCES:

1. Khorkkhaimer M., Adorno T. Dialektika prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty [Dialectic of enlightenment. Philosophical fragments]. Moscow – St Petersburg: Medium, Yuventa, 1997. 310 p. (In Russian)
2. Adorno T. Esteticheskaya teoriya [Aesthetic theory]. Moscow: Respublika, 2001. 527 p. (In Russian)
3. Khabermas Yu. Teoriya kommunikativnogo deystviya: Tom pervyi. Ratsionalnost deystviya i sotsialnaya ratsionalizatsiya; Tom vtoroi. K kritike funktsionalistskogo razuma [The theory of communicative action: Volume one. Reason and the rationalization of society; Volume two. Lifeworld and system: a critique of functionalist reason]. Moscow: Izdatelstvo Ves Mir, 2022. 880 p. (In Russian)
4. Khabermas Yu. Moralnoe soznanie i kommunikativnoe deystvie [Moral consciousness and communicative action]. St Petersburg; Nauka, 2001. 380 p. (In Russian)
5. Horkheimer M. Traditional and Critical Theory. In: Horkheimer M. Critical Theory: Selected Essays. New York, Herder and Herder, 1972. P. 188-243.
6. Adorno T. Negativnaya dialektika [Negative dialectics]. Moscow: Nauchnyi mir, 2003. 373 p. (In Russian)
7. Honneth A. The Struggle for Recognition. The Moral Grammar of Social Conflicts. Cambridge, Polity Press, 1995. 215 p.
8. Lyotard J.-F. Le Differend, Paris, Les Editions de. Minuit, 1983. 216 p.
9. Khabermas Yu. Filosofskiy diskurs o moderne [The philosophical discourse of modernity]. Moscow: Izdatelstvo Ves Mir, 2003. 416 p. (In Russian)